УДК 159.9

Г. М. Шавердян

Психопатология личности и проблема зла. Часть 2¹

Аннотация:

Проблема зла, практически игнорируемая специалистами в области психического здоровья, достойна самого пристального внимания и изучения, поскольку стигматизация патологических личностей во многом обусловлена проблемой ответственности (или безответственности) личности за свою болезнь, которая может не принимать содержательной формы. Статья нацелена на прояснение соотношения между патологией личностного развития и проблемой зла. Посредством феноменологического анализа нравственное содержание психики описывается как зависимое или независимое от целого ряда жизненно значимых детерминант. Проводится сравнительное исследование психологических особенностей *Homo abnormalis*, *Homo normalis* и *Homo moralis* с точки зрения проблемы добра и зла. Описывается генезис психических заболеваний в виде последовательной цепочки причин и симптомов, рассматриваемых в свете антропософии.

Ключевые слова: добро и зло, детерминация развития личности, патологическая личность, свобода, эгоизм, познание.

Об авторе: Шавердян Гаянэ Михайловна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической и социальной психологии Ереванского государственного университета, клинический психолог, психотерапевт; эл. почта: gms17@yahoo.com

Опыт общения с патологической личностью есть очная ставка психолога с собственным злом. Потеря или снижение интереса к другому и к миру есть все та же комбинаторика суждений с той лишь разницей, что у патологической личности они однополюсны, а у личности «в норме» каждое суждение одновременно может переходить

¹ Продолжение. Начало см. Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». № 2. 2023.

в свою противоположность. Это, по мнению А. Гуггенбуль-Крейга, есть «основной парадокс психологии», выраженный К. Г. Юнгом в следующей формулировке: «Психологическое выражение может быть названо верным лишь в том случае, если подтверждается его противоположность» [3].

Противоположности придают мышлению динамику, ориентированы на становящееся, а не ставшее, обеспечивая временные подвижки, когда личность получает шанс следовать призыву Иоанна-предтечи: «Переменитесь!». Когда же патологическая личность бросает в лицо окружающим *я – такой и точка*, она закрывает все пути к изменениям во времени, по сути, отвергая преобразование, а уверенность, что всякое изменение бессмысленно и бесполезно, порождает деструкцию, регрессию и продуцирует отчаяние. В определенном смысле это – шаг назад к язычеству, отрицающему христианское развитие. Отказываясь войти в резонанс со временем, разделив его на три части, где будущее не осознано, прошлое осознано частично, а настоящее дает возможность осознанности, человек останавливает время, и оно мстит ему, исчезая вовсе.

Где времени нет или где время находится вне правильного течения? В бессознательном, со своим отсутствием последовательности и хаотическим смешением симпатий и антипатий, соотношений внутреннего и внешнего. Психотик принимает внутреннее за внешнее и не справляется с развитием, потому что не допускает альтернативы. Он «пребывает в истине», не допуская мысли, что именно эта истина – его незримый противник. Признав ее противником, он будет вынужден обрести самосознание и взять на себя вину и ответственность; допустить альтернативу, и вместе с ней применить творческий элемент и юмор; наконец, усилить сознание до того, чтобы оценить свои мысли, чувства и поведение как зло.

Не существует и не может существовать никакого пошагового руководства по опознанию зла до тех пор, пока бессознательное сильнее сознания. «Бессознательные содержания сильны в той мере, – отмечал Юнг, – в какой сознание и его функции страдают от слабости» [10]. Это как нельзя выгодно самому злу, затаенному и скрывающемуся под различными масками, в том числе под маской добра («сегодня я дьявол», – говорит психотик; «я – до ненормальности добрая», – говорит страдающая конверсионным расстройством личность со своим желанием всечеловеческого блага и акцентированием вселенского сочувствия и пр.). «Мы приходим к пониманию того, – пишут в выводах своего исследования Р. Дальке и Т. Детлефсен, – что в утверждении «зла

не существует» заключена основа, на которой зиждется зло... Если слово «зло» кажется нам несколько старомодным, тогда, говоря современным языком, мы могли обозначить его, как «чью-то волю», которая препятствует человеку действовать из его собственного Я» [4].

В отношении проблемы добра и зла можно наметить три парадигмы в зависимости от уровней сознания и самосознания и развития индивидуальности – *Homo abnormalis*, *Homo normalis* и *Homo moralis*.

1. Патологическая личность (*Homo abnormalis*) характеризуется максимой: «зло все, что не я», крайним эгоизмом и индивидуализмом, полным отсутствием индивидуальности или уровня индивидуации по Юнгу. Сознание, самосознание и соотношения внутреннего и внешнего нарушены, нет субъект-объектных отношений, сфера бессознательного максимально активна. Психика не соответствует трем универсальным критериям психического здоровья: критерию меры, времени и места (ситуации). Мышление *Homo abnormalis* отмечается рассудительностью, механической комбинаторикой, непониманием становящегося и альтернативы, «стоп-краном» в развитии, дискретностью и автоматичностью мыслей, отрицанием познания и проблемами в образовании.

В эмоциональной сфере наблюдается широкий разбой – от аффективных приступов до эмоциональной тупости; при галлюцинациях образы возникают спонтанно, неконтролируемо и носят принудительный характер, причем переживание идет вслед за образом как результат; наконец, отсутствует чувство юмора, разбавляющего свинцовую тяжесть переживаний. В воле: гипобулия, парабулия или абулия. В поведении основание поступков исходит из архаического бессознательного, произвольного или насильственного следования влечениям, но чтобы им следовать, остается лгать себе и манипулировать другими. Такая личность не способна к ответственности. Она предсказуема, несвободна и делит людей на себя и всех остальных.

2. Условная норма (*Homo normalis*). Основная максима: поляризация добра и зла, дьявола и Бога, эгоизм или альтруизм, социальность, перемежающаяся с асоциальностью, индивидуализм или следование этическим нормам группы. В трехсторонних отношениях «индивид-личность-индивидуальность» уклоняется в сторону личности. Обладает разными уровнями развития сознания и самосознания, способна к изменениям и имеет шанс до-измениться до индивидуальности.

В мышлении *Homo normalis* демонстрирует рассудочность и комбинаторный ум с «вкраплениями» разумности, а в подавляющем большинстве случаев – избегание образов и образного мышления. Его эмоциональная сфера относительно умеренна, а в области воли заметно следование объективным или социальным детерминантам. Основаниями поступков выступают как религиозно-этические и альтруистические, так и узко эгоистические установки. Мироззрение характеризуется атеизмом или теизмом, креационизмом или эволюционизмом, двойными аспектами детерминизма-индетерминизма, как ответственностью, так и безответственностью, свободой и несвободой.

3. Нравственный человек (*Homo moralis*). Основная максима: отметание внешних (социализационных нормы и долженствований, социально-нравственных или религиозных авторитетов) и внутренних (индивидуально-типологических и бессознательных) мотивов для принятия решения, за исключением идейного содержания (понятийной или моральной интуиции) как единственного мотива поступка. Через самостоятельно добытую идею поступок становится исключительно «своим», индивидуальным, само-сотворенным. Если отдельно взятое индивидуальное приводит к изоляции и разделению, а отдельно взятый моральный импульс – к невротическим механизмам интроекции и ретрофлексии, то взятые вместе они составляют этический индивидуализм, осуществляемый свободно, где импульс действия – не случайный инсайт, а сообразный ситуации сущностный смысл.

Homo moralis характеризуется укрепленной концентрацией и медитацией сознания и самосознания, разумностью и сведению к минимуму участия бессознательных содержаний. Человек избавлен от того, чтобы просчитывать бесчисленные комбинации обстоятельств и витки спирали времени. Мышление живое, подвижное, проникнутое волей, протекающее в контролируемых образах с последующим постижением смысла образов и проживанием сущности вещи или человека без деления на субъект и объект, извлечением духовной сущности из любых проявлений или феноменов. Человек обладает тягой к творчеству и юмору. В сфере эмоций демонстрирует всеобъемлющую любовь и исключает себялюбие, образ возникает вследствие переживания, а не наоборот (как при галлюцинациях). Мировые интересы воспринимает как личные. Вместе с тем характеризуется индивидуальностью и ответственностью, непредсказуемостью и свободой.

Общее между больной и свободной личностью (в духовно-научном ракурсе рассмотрения) заключается в отсутствии границ между «Я» и внешним миром, в выходе в мир духовных сущностей. Разница же – в уровне прозрения того, что есть духовный мир, в просветлении сознания и самосознания, в «истинах», которые они несут, и главное – в способах их достижения. Личность, видящая образ при имагинативном (*imago* – лат. образ) познании, знает, что образы с точки зрения обычного чувственно-рассудочного познания не реальны, но выступают образом действительности, тогда как психотик принимает галлюцинацию за реальность.

Проделав простейший эксперимент, мы выясним, что два и более «ясновидящих» человека в отношении одного объекта опишут схожий образ, но два и более психотика увидят совершенно разное. Кроме того, исключая религиозный фанатизм, патологическая личность всех регистров демонстрирует ненависть различной степени к божественному – от презрения до свирепости (вспоминается случай молодого шизофреника, скупающего библии и сжигающего их в ванной комнате). В средние века это посчитали бы проделками дьявола, однако К. Юнг и Дж. Хилман объясняют это тем, что боги, оракулы и мистерии интериоризовались в патологическую психику и нашли убежище в учебниках по клинической психологии. Над дверью дома, где жил и работал Юнг, было вырезано: «Званный и незванный, Бог здесь».

В жизни патологических личностей отсутствует значимый другой, что в немалой степени позволяет нормальному человеку избежать дрейфования между ненавистью и страхом, способствует сакрализации страдания, несколько облегчающего ношу, но полностью отсутствующего при патологиях. Человек, способный на свободный поступок, отмечен еще одной особенностью: он не религиозен в обычном понимании, но его чисто индивидуальное волевое решение счастливым образом совпадает с божественной волей. В себе самом он находит Того, кого ищут, вскидывая взгляды вверх, ибо юнгианский призыв «жить из «Я» осуществляется здесь во всей полноте.

Очевидно, что нравственность так называемой нормы пролегает посередине между свободой *Homo moralis* и несвободой *Homo abnormalis*. В ряде множества проблем *Homo normalis* одна видится врачу Р. Дальке и психологу Т. Детлефсену наиболее острой: человек не может выпутаться из хитроумной ловушки, которая представляет собой противопоставление Бога и дьявола, добра и зла, порождающей вину и грех [4].

«Грех, – пишут они, – не один полюс какой-то шкалы, грех – это сама полярность. Следовательно, избежать греха невозможно, любое действие человека греховно само по себе. Превратив дьявола в противника Бога, незаметно для себя люди втянули в поляризацию и самого Бога. ... Бог един, в нем объединены и неразрывно связаны все, включая Добро и Зло. Дьявол же суть полярность. Неактуализированный полюс никуда не исчезает. Он настигает самые благородные души, чаще всего тогда, когда этого никто не ожидает. Если вы намеренно приближаетесь к Добру, то Зло автоматически приближается к вам. ... Инструмент, необходимый для объединения противоположностей, называется любовью, которая заключается в том, что человек раскрывается и впускает в себя нечто, раньше считавшееся внешним. Любовь стремится к преодолению раздвоенности» [4].

Но на чем зиждется эта любовь? Что, если не любовь, есть индивидуально постигнутая нравственная цель, принятая как истина, достигнутая многочисленными победами над собой? Эмерсон, отмечающий одаренность Э. Сведенборга нравственной прозорливостью, обращается к пониманию им соотношения истины и любви: «*Любишь ли ты меня?* – значит: видишь ли ты ту же истину? Если да, – мы счастливы одинаковым счастьем. Но вот один из нас доходит до умозрения новой истины, – мы расходимся, и никакие силы в мире не могут удержать тогда одного возле другого. О, знаю я, как сладостна эта чаша любви: ты живешь для меня, я – для тебя! Но это не что иное, как ребяческое пристрастие к игрушке...» [8].

Что касается противоположностей, то человек и вправду не выпутается из отмеченной ловушки, пока не вникнет в антропософское положение о мышлении не в двоице Бог–дьявол, Христос–антихрист, а в троице: два противоположных демонических существа или супостата, между которыми импульс Христа в человеческих душах держит равновесие¹. Один из этих супостатов, Люцифер, склоняет психику к патологическому отрыву от реальности, к мистически-туманным воззрениям и переживаниям, другой – Ариман, пригибает ее, вдавливая в сухую расчетливость земного, провоцирует ее заниматься абстрактной наукой, из которой выжаты жизненные силы, зачинателем которой оказывается он сам (он также генерирует соматические болезни).

¹ В хранилище древних рукописей (Матенадаран) находится миниатюра неизвестного художника с изображением двух звероподобных существ (черного и красного) по обе стороны весов, между которыми архангел Михаил с трудом удерживает равновесие.

Психическое равновесие одновременно обламывает крылья у мечтательного «летающего и светящего дракона», а козлоногий господин сухой рассудочности «скидывает свои копытца». В психологии эти духовные сущности выступали под разными именами (демонический self, комплекс, двойник, Тень, дублер и пр.), но были неразличимы и не опознаны в своих намерениях. Разоблачение их намерений проливает свет на многие загадки психологии и психотерапии и со всей определенностью констатирует, что уже не «чья-то воля препятствует человеку действовать из его собственного Я», на что указывали Р. Дальке и Т. Детлефсен, а конкретная воля с конкретными замыслами в отношении конкретного человека и человечества в целом [4].

Вопрос о том, почему действие отмеченных сил выборочно в случае психической болезни, отсылает к драматичной ситуации, при которой медики приходят в отчаяние от того, что не находят точных соматических маркеров психической болезни (при уверенности скрытости причин в физическом теле, ведь иначе ни один нейролептик не приводил бы больного к ремиссии). Бесплодность этих попыток привела к тому, что соматические данные все меньше стали интересовать психиатров и клинических психологов. Не случайно, что в клиниках эти симптомы называются «параклиническими», т.е. «околоклиническими».

Так, если «организация Я», которая должна быть скована органами физического тела, этими органами не удерживается, то «Я» самоустраняется и «расковывается», вследствие чего «демонически заражается» и, подобно раковым клеткам в физическом организме, ведет в психике автономную жизнь. Подобные догадки приводит Юнг, говоря об автономной жизни «комплекса»: «Примечательно, что материализм так мало знает как раз о материи. Он совершенно ничего не знает о ее действии, потому что мы об этом кое-что узнаем, только если принимаем во внимание духовность, действующую в материи в виде разного рода сил» [9].

Надо обладать смелостью Т. Саса, чтобы вообще поставить под сомнение реальность психического заболевания на том простом основании, что нельзя наблюдать, что при этом происходит с психикой. Не случайно, что именно ему принадлежит известное изречение: «Ясное мышление требует мужества, а не интеллекта» [5]. Психическое заболевание, по его мнению, – языковая игра, «в нем нет здравого смысла». Познание этих взаимоотношений не только не ведет к размежеванию духовно-научных и естественнонаучных (медицинских) изысканий, а обогащает, осмысляет и развивает

последние: «Если у естествоиспытателя нет двойного стандарта, – писал Р. Штайнер, – он должен прийти от природы к духу» [6].

Аналогично обстоит дело и с накопленным опытом психологии и психотерапии, который обогатился бы, если хотя бы часть специалистов в этой области непредвзято восприняла духовно-научные истины и вместо деклараций на тему холистического подхода заявила бы о подлинном холизме. Здесь мало чем поможет и психосоматика со своей упрощенной интерпретацией сложных коррелятов психики и сомы, и последующим морализаторством, поскольку, если и могут быть здесь движения в сторону нравственного, то только на основании знаний, включающих волевой элемент, непосредственно влияющий на тело. Однако психосоматика сломала стереотип врача о том, что идеальный пациент – не больше, не меньше, чем труп, – без переживаний, поведенческих проявлений и биографии. Отметим, что психосоматика все более обретает самостоятельное движение, подводящее ее к кармическим истолкованиям психосоматических соотношений.

Мы отметили роль аномалий в органах физического тела в патогенезе психических болезней. Речь идет, как говорил Юнг, не о «запутавшемся в своих фикциях эго», а «объективном «Эго», которое он обозначал как Самость, несущую «болезненное ощущение двойственности внутренней природы». «Самость как таковая, – пишет Юнг, – наличествует вне времени и предшествует всякому рождению. Это не метафорическое утверждение. Такова психическая реальность» [10].

Но реальность также в том, что карма относится не только к «из-за», но и «для». Если оказаться столь малодушным и сделать остановку на том, что психическая болезнь и связанные с ней страдания возникают из-за кармических долгов, мы, подобно депрессанту, увидим только прошлое. Но «что-то важное должно воспоследовать» в будущем, – именно в посмертном существовании душа должна исполниться силой противоположных намерений, ибо «мудрое руководство позволило человеку стать злым», чтобы он «становился сильнее в ходе кармического развития» [7].

Опуская сложнейшие тонкости взаимоотношений духовно-душевного и телесного, отметим, что генезис психических заболеваний выстраивается в ряд: кармические причины – нарушения в физическом теле – доступ в психику люциферических духов или

сил – эгоизм и зло¹. Всей этой казуальной (*casualis* – лат.случайный) цепочки у человека, дерзнувшего быть свободным, нет. Есть и противоположная точка зрения: свобода – все, что взбредет на ум, а учитывая, что ум-то «сошедший» («сумасшедший»), то возникает логический казус, ибо какую свободу передвижения имеет машинист сошедшего с рельсов поезда?

По мысли Н. А. Бердяева, древний змий соблазнил человека свободой, поэтому «зло есть отпадение от абсолютного бытия, совершенное актом свободы» [1]. На примере психопатологии мы показали, что это как раз акт несвободы, ибо он не принадлежит человеку самому. Ни о какой свободе не может идти речи при obsессии (*не хочу думать об этом, но думаю*), истерии (*хочу избежать конфликта, но не получается*), шизофрении (*хотел бы любить, но не понимаю, что это; не я убил, а воспользовались моей рукой и т.д.*), по слову апостола: «Не доброе, чего хочу, делаю я, а злое, чего не хочу, это я делаю» (*Послание к римлянам, 7;19*).

Твердо знать «чего хочу», т.е. чего хочет мое «Я» как «святая святых» моего существа, а не многочисленные мои нормальные или патологические *selves*, есть охрана от того, «чего не хочу» и поручительство за «отныне и навсегда». В приведенном выше интервью Б. С. Братусь приводит слова М. К. Мамардашвили: «Мы идем от свободы к свободе» [2]. Иначе говоря, мы идем от «чего не хочу, делаю» к «чего хочу, делаю». Первое можно назвать «свободой» притянута и релятивно, второе – по существу и абсолютно. Следует взять на себя ответственность не проспять возрождающуюся истину собственной свободы.

Библиографический список:

1. Бердяев Н. А. Философия свободы. М.: Т8, 2018. 372 с.
2. Братусь Б. С. «Личность – это инструмент по различению добра и зла» [Электронный ресурс] // Психологическая газета. Режим доступа: <https://psy.su/feed/11193/> (дата обращения: 15.10.2023).

¹ Уместно упомянуть основоположника учения о бессознательном К. Каруса, постулировавшего идею, что нет разрыва между биологическим, психологическим и духовным, поскольку в совокупности они составляют природу или мир, а их разрыв определяется как болезнь.

3. Гуггенбюль-Крейг А. Благо сатаны. Парадоксы психологии. СПб: Библиотека аналитической психологии, 1997. 119 с.
4. Дальке Р. Болезнь как путь. Значение и предназначение болезней / Р. Дальке, Т. Детлефсен. СПб: «Весь», 2008. 256 с.
5. Сас Т. Миф душевной болезни М.: Академический Проект; Альма Матер, 2010. 421 с.
6. Штайнер Р. Антропософия и мистерии нового времени. Ереван: «Лонгин», 2008. 207с.
7. Штайнер Р. Здоровье и болезни. Основы теории чувственного восприятия. Ереван: «Лонгин», 2006. 432 с.
8. Эмерсон Р. Нравственная философия. Опыты. Представители человечества. Образ жизни. М.: «Амрита-Русь», 2021. 400 с.
9. Юнг К. Практика психотерапии. М.: «Издательство АСТ», 1998. 416 с.
10. Юнг К. Психология архетипа ребенка // Бог и бессознательное. М.: «Олимп», 1998. 480 с.

Shaverdyan G. M. Psychopathology of personality and the problem of evil. Part 2

The problem of evil, today almost ignored by specialists in the field of mental health, is worthy of the closest attention and study, if only because the stigmatization of pathological personalities is largely due to the fact that the problem of responsibility (or irresponsibility) of the person for his disease may not take any meaningful form. The article aims to clarify the relationship between the pathology of personal development and the problem of evil. Through phenomenological analysis, the moral content of the psyche is described as dependent or independent of a number of vital determinants. A comparative study of the psychological features of *Homo abnormalis*, *Homo normalis* and *Homo moralis* in terms of the problem of good and evil is being carried out. The genesis of mental illness is planned in the form of a consistent chain of causes and symptoms, considered in the light of anthroposophy.

Keywords: good and evil, determination, pathological personality, freedom, selfishness, awareness, unconscious.